

Флоря Б.Н.

Изменения социального состава населения Московского кремля в конце XV — начале XVI в.

Общее направление, в котором шли изменения социального состава населения Кремля (и соответственно размещение и характер находившихся на его территории построек), достаточно широко известно — от “города”, в котором имели свои постройки представители всех слоев городского населения, к “замку” — укрепленной резиденции правителя и представителей знати из его окружения. Однако этапы этой эволюции и, в частности, место того периода, когда в конце XV — начале XVI в. производилась грандиозная перестройка зданий на кремлевском холме, до сих пор остаются не вполне ясными. Как представляется, наблюдения над генеалогией одного из московских купеческих родов и судьбой усадеб в Кремле, принадлежавших ее представителям, позволяют дать некоторые ориентиры в этом отношении.

В период, когда Кремль еще являлся “городом”, богатые купцы — “гости” составляли, естественно, одну из важных групп его населения. Еще к концу 80-х гг. XV в. относится известие Софийской II и Львовской летописей под 1488 г. о прорицании некоего чернеца, “яко горети Москве на Велик день”. После этого “гости, сведав, носили ся из города, боящеся пожара”¹. Позднее, однако, положение стало меняться.

В духовной Ивана IV (1504 г.) помещен, как известно, перечень дворов в Кремле, переданных им младшим сыновьям. Дворы эти названы по именам их бывших владельцев. Среди них духовная упоминает двор “Ивана Михайлова сына Семенов”². Это свидетельство есть возможность сопоставить с данной грамотой “гостя” Ивана Михайлова Семенова 1534/5 г. на двор в Москве “у Дмитрея святого” на Дмитровской улице³. В грамоте читаем, что этот двор ему “пожаловал государь великий Иван Васильевич всея Руси за мой двор вотчинной, что взял у меня двор в городе за Головиною полатою”. Таким образом, выясняется, что гость Иван Михайлов имел двор в Кремле, который “взял” у него Иван III.

Поскольку речь идет о “вотчинном” дворе, т.е. дворе, принадлежавшем еще предкам Ивана Михайлова, то есть смысл попытаться выяснить, кем были его предки. Своих предков Иван Михайлов перечисляет в данной грамоте, называя своего отца Михаила, деда — инокера Серапиона и прадеда Антония. Учитывая наименование Ивана Михайлова еще и “Семеновым”, можно с основанием предположить, что его дед, во иночестве Серапион, имел мирское имя Семен. Семен Антонов упоминается в одном из чудес пахомиевского Жития Сергия Радонежского, как один “от великих купец и славных господствующему граду Москве”⁴. Время деятельности Семена Антонова позволяют уточнить две данные грамоты Троице-Сергиеву монастырю, где он выступает в качестве послуха. Первая грамота датируется 1428—1432 гг.⁵, вторая — 1435—1449 гг.⁶ Первая грамота представляет собой вклад в Троице-Сергиев монастырь Марьи Голтыевой, жены одного из виднейших бояр рода Кобылы. Ясно, что послухи документа, исходящего от такого лица, не могли быть рядовыми людьми. Вместе с Семеном Антоновым данную свидетельствовали Окул Саларев и его брат Данил — представители известного московского купеческого рода⁷. Вторая грамота — это вклад в Троице-Сергиев монастырь невестки Окула Саларева — Настасьи. Очевидно, свидетельствовавший на этих грамотах Семен Антонов принадлежал к кругу богатого московского купечества, что позволяет отождествить его с персонажем, упомянутым в Житии Сергия. Если его деятельность приходится на 30-е — 40-е гг. XV в., то деятельность его сына Михаила приходится на вторую половину XV в., а деятельность Ивана Михайлова, который был еще жив в 1534/5 г., надо относить к концу XV — первой трети XVI в. Характерно, что в материалах посольских книг, содержащих обильный материал о торговле московских купцов с Крымом и Турцией, сведения о “госте” Иване Михайлове появляются лишь во второй половине 90-х гг., когда он вместе с рядом других гостей приехал в Крым из Константинополя вместе с послом Ивана III к султану Михаилом Плещеевым⁸. Следовательно, двор был “взят” у него Иваном III также, очевидно, в самом конце XV в.

Уже то обстоятельство, что вместо взятого двора Ивану Михайлову был дан другой двор в Москве, хотя и не в Кремле, не позволяет видеть в этом акт немилости или опалы. В этом же убеждают и сведения об Иване Михайлове в посольских книгах. Посольства, направлявшиеся в Крым в 1500—1501 гг., добивались возмещения за ущерб, нанесенный Ивану Михайлову и его лю-

дям⁹. В 1500 г. он вместе с дьяком Семеном Башениным и гостями Иваном Владимировым и Григорием Алексеевым давал правительству справку, “что из старина пошлина руским гостем в Перекопской орде”¹⁰. Все это заставляет думать, что Иван Семенов лишился двора в результате какой-то планомерной акции по переустройству Кремля.

Отец “гостя” Ивана Михайлова в известных нам источниках не упоминается, зато они знают другого сына Семена Антонова — Владимира. “Володимер Семенов Антонова” упоминается, как послух в двух вкладных грамотах в Чудов монастырь, датированных одна — широко 1429—1466 гг.¹¹, другая — 1453/4 г.¹² Дети Владимира Семенова должны были действовать в конце XV в. В связи с этим обращает на себя внимание, что по духовной Ивана III вместе с двором Ивана Михайлова младшим детям были переданы дворы “дву Иванов Володимеровых детей Семенова”¹³ “Гость” Иван Владимиров упоминается в посольских делах конца 90-х гг. XV в. и, что характерно, вместе с Иваном Михайловым. Вместе они возвращались из Константинополя с посольством М.А. Плещеева¹⁴, вместе давали правительству справку о пошлинах, которые взимали в Крыму с русских купцов¹⁵. Одновременно в тех же делах встречаются упоминания о “госте” Иване Владимирове по прозвищу Подушка¹⁶, родоначальнике известного источника XVI в. московского купеческого рода Подушкиных¹⁷. Между ними и Иваном Михайловым также можно наметить определенные связи: когда “человек” Ивана Михайлова попал в плен к татарам, его выкупил Подушка¹⁸. Таким образом, есть основания полагать, что “Володимеровы дети Семенова”, двоюродные братья Ивана Михайлова, также принадлежали к верхушке московского купечества конца XV в.

Поскольку дворы двоюродных братьев явно находились рядом в одной части Кремля (на территории, ограниченной в обводной грамоте на дворы, улицей, идущей от площади к Фроловским (Спасским) воротам, двором Головиных, Чудовым монастырем и улицей, идущей от Никольских ворот на площадь)¹⁹, очевидно, что перед нами старое гнездо рода Антоновых, принадлежавшее, судя по всему, общему предку братьев — Семену Антонову. Интересно, что близко к этому месту в 1471 г. “купец” Торокан поставил “полаты кирпичны” “во граде Москве у градной стены у Фроловских ворот”²⁰. О немилости по отношению к двоюродным братьям Ивана Михайлова также нет оснований говорить. Посольства в Крым в 1500 и 1501 г. хлопотали о возвращении утраченного

ими имущества²¹, а Иван Владимиров, как отмечалось выше, выступал в роли одного из правительственных экспертов. В свете сделанных наблюдений еще более обоснованным представляется вывод, что утрата семьей Антоновых своих дворов в Кремле была следствием какой-то общей меры.

Косвенно такой вывод может быть подкреплён наблюдениями над еще одной ветвью рода Антоновых. Для реконструкции этой ветви рода много сделал В.Е. Сыроечковский²². Исследователь обратил внимание не летописное свидетельство о том, что некто Василий Бобр в 1514 г. поставил кирпичную церковь св. Варвары “братиею своею с Вепрем да Юшком Урвихвостовым”²³. К этой состоятельной семье их трех братьев В.Е. Сыроечковский добавил “гостя” Копыла, неоднократно упоминавшегося в посольских делах 1500—1502 гг. Во время одной из поездок он попал в плен к татарам со всем своим имуществом, которое было оценено огромной по тем временам суммой — 1.364 руб. В одном из документов Копыл определялся как “брат Бобров”. 1515 г. датируется оставшееся неизвестным В.Е. Сыроечковскому летописное известие о посылке Василием III с милостыней в Царьград “Василия Копыла Спячего”²⁴. Следовательно, два брата имели одинаковые имена и различались лишь своими прозвищами.

Относя членов этой семьи к роду Антоновых, В.Е. Сыроечковский опирался на сообщение С.Б. Веселовского, что к роду Антоновых принадлежал один из братьев Федор Вепрь, известный своими крупными денежными ссудами волоцким князьям Ивану и Федору Борисовичам. В настоящее время может быть указан источник, позволивший С.Б. Веселовскому сделать такое заключение. Это — запись в синодике Успенского собора о том, что 28 декабря 1520 г. “преставися раб божий Феодор Вепрь Васильев сын Антонова”²⁵. Принадлежность братьев к этому роду может быть установлена и иным образом. В 1491/2 г. при заключении поземельной сделки между Дмитрием Владимировичем Ховриным и Федором Даниловичем Саларевым послухом был “Василей Бобр Васильев сын Антонова”²⁶. Это была, видимо, более дальняя ветвь рода, потомки не Семена, а, видимо, какого-то другого сына Антония: в поминальной записке в “Синодике” Успенского собора с перечнем предков Федора Вепря есть “Антоний”, но нет “инока Серапиона”²⁷.

Для темы данного сообщения важно местоположение церкви святой Варвары — совместной постройки братьев. Указание во “Владимирском летописце”, что церковь стояла “против Панс-

кого двора”²⁸, не оставляет сомнений в том, что речь идет о церкви находившейся на “Варьской”, позднее Варварской улице московского посада. Вероятнее всего, церковь была построена там, где находились дворы братьев. Такое предположение можно подкрепить некоторыми соображениями. Так, известно, что в 1500 г. “загорелся на Москве у Бобра на большом посаде”²⁹. “Большим” или “великим” посадом в источниках XV в. называлась территория позднейшего Китай-города³⁰. Другое свидетельство еще более определено. Как отметил М.Н. Тихомиров, находившийся рядом с церковью двор, переданный затем английским купцам, назывался Юшковским, очевидно, по имени Юшки Урвихвостова³¹. Следовательно, и эта ветвь рода Антоновых в раннем XVI в. проживала за пределами Кремля.

С проанализированными сведениями о дворах Антоновых следует сопоставить текст, касающийся еще одного комплекса кремлевских дворов, который читается в духовной кн. Ивана Юрьевича Патрикеева. В духовной говорится о том, что Иван III взял себе дворы И.Ю. Патрикеева в Кремле и дал ему взамен ряд других дворов и среди них “Афонинское ж место Петрова да брата его Гавриловское место Петрова ж да Васильевское Жданова да Романовское Офонасьевых место да под теми дворами место под зарубом”³². Упоминание “заруба” говорит о том, что эти дворы находились у самого края кремлевской горы. Этот текст привлек к себе внимание В.Е. Сыроечковского. Из указанных в тексте имен владельцев дворов его заинтересовало имя Гаврилы Петрова, так как именно так звали гостя, выполнявшего дипломатические поручения Ивана III в Крыму в 80-х гг. XV в.³³ В свете сказанного выше о дворах Антоновых в таком предположении нет ничего невероятного. Напротив, представляется вполне закономерным наличие в Кремле двора видного “гостя”, размещенного рядом с двором его брата, очевидно, там, где находился двор их отца, как это мы уже наблюдали в случае с дворами Антоновых. Привлекает к себе внимание и упоминание рядом с этими местами дворов “Офонасьевых”, что заставляет вспомнить о видной семье московского купечества XVI—XVII вв.³⁴ Некоторые данные позволяют предполагать существование этой семьи уже в сер. XV в. Так, данную Марии Голтяевой вместе с Семеном Антоновым и Саларевыми заверил своей подписью “Дмитрей Дмитриев Офонасьева”³⁵. И здесь, в иной части Кремля, мы видим ту же картину — в руки великого князя переходят комплексы дворов, видимо, издавна находившиеся во владении московских купеческих родов. Все ска-

занное позволяет предполагать, что в конце XV века из Кремля в общем порядке были удалены владевшие там ранее дворами московские гости, получившие новые дворы за пределами Кремля. Отсутствие на планах Кремля XVI — начала XVII вв. купеческих дворов является серьезным аргументом в пользу данной гипотезы. Тем самым был сделан серьезный шаг по пути превращения Москвы из “города” в “замок” — укрепленную резиденцию правителя.

В.Е. Сыроечковский полагал, что и в раннем XVI в. московские гости сохраняли связь с Кремлем, ссылаясь на летописное известие под 1514 г. о строительстве церкви Афанасия в Кремле Юрием Григорьевым сыном Бобыниным³⁶. Указав на сведения духовной грамоты кн. Юрия Дмитровского о его долге Григорию Бобыне³⁷, он причислил Ю.Г. Бобынина к кругу московского богатого купечества. Догадка эта представляется тем более основательной, что другой брат Ивана III Андрей Меньшой также должен был Григорию Бобыне немалую сумму в 250 руб.³⁸ Она находит свое подтверждение и в свидетельстве “Владимирского летописца” о храме Афанасия: “а ставил его Юрьи Бобынин да брат его Алексей, гости”³⁹. Однако следует принять во внимание, что церковь Афанасия находилась на подворье Кириллова монастыря в Кремле и, следовательно, гости Бобынины выступали просто в роли подрядчиков богатого заказчика и сам факт такого строительства не может свидетельствовать о том, что они жили в Кремле.

В заключение хотелось бы кратко коснуться вопроса о том, какое значение могло иметь превращение Кремля в резиденцию правителя для жизни некоторых других социальных групп. Указания и в летописях и (позднее) в духовных грамотах не оставляют сомнения в том, что в XV в. значительную часть территории Кремля занимали усадьбы бояр и дворян великого князя. Так, уже в начале XV в. упоминается “Белеутов двор” — двор боярина Василия Дмитриевича Александра Белеута, на котором сидела под стражей жена суздальского князя⁴⁰. Позднее, во второй половине XV в. в летописях неоднократно упоминается расположенный на Подоле двор Федора Давыдовича Хромого⁴¹, перешедший к концу века к его сыновьям Григорию и Петру⁴². Летописи рисуют яркую картину строительства, развернутого в Кремле вошедшими в середине XV в. в ряды московского боярства Ховриными. Владимир Григорьевич Ховрин еще до суздальского боя поставил на своей усадьбе каменную церковь, поновленную в 1449/50 гг.⁴³ Позднее его дети Дмитрий Владимирович, казначей великого князя, и его старший сын, Иван Голова поставили на своих дворах также ка-

дям⁹. В 1500 г. он вместе с дьяком Семеном Башениным и гостями Иваном Владимировым и Григорием Алексеевым давал правительству справку, “что из старина пошлина руским гостем в Перекопской орде”¹⁰. Все это заставляет думать, что Иван Семенов лишился двора в результате какой-то планомерной акции по переустройству Кремля.

Отец “гостя” Ивана Михайлова в известных нам источниках не упоминается, зато они знают другого сына Семена Антонова — Владимира. “Володимер Семенов Антонова” упоминается, как послух в двух вкладных грамотах в Чудов монастырь, датированных одна — широко 1429—1466 гг.¹¹, другая — 1453/4 г.¹² Дети Владимира Семенова должны были действовать в конце XV в. В связи с этим обращает на себя внимание, что по духовной Ивана III вместе с двором Ивана Михайлова младшим детям были переданы дворы “дву Иванов Володимеровых детей Семенова”¹³ “Гость” Иван Владимиров упоминается в посольских делах конца 90-х гг. XV в. и, что характерно, вместе с Иваном Михайловым. Вместе они возвращались из Константинополя с посольством М.А. Плещеева¹⁴, вместе давали правительству справку о пошлинах, которые взымали в Крыму с русских купцов¹⁵. Одновременно в тех же делах встречаются упоминания о “госте” Иване Владимирове по прозвищу Подушка¹⁶, родоначальнике известного источника XVI в. московского купеческого рода Подушкиных¹⁷. Между ними и Иваном Михайловым также можно наметить определенные связи: когда “человек” Ивана Михайлова попал в плен к татарам, его выкупил Подушка¹⁸. Таким образом, есть основания полагать, что “Володимеровы дети Семенова”, двоюродные братья Ивана Михайлова, также принадлежали к верхушке московского купечества конца XV в.

Поскольку дворы двоюродных братьев явно находились рядом в одной части Кремля (на территории, ограниченной в обводной грамоте на дворы, улицей, идущей от площади к Фроловским (Спасским) воротам, двором Головиных, Чудовым монастырем и улицей, идущей от Никольских ворот на площадь)¹⁹, очевидно, что перед нами старое гнездо рода Антоновых, принадлежавшее, судя по всему, общему предку братьев — Семену Антонову. Интересно, что близко к этому месту в 1471 г. “купец” Торокан поставил “полаты кирпичны” “во граде Москве у градной стены у Фроловских ворот”²⁰. О немилости по отношению к двоюродным братьям Ивана Михайлова также нет оснований говорить. Посольства в Крым в 1500 и 1501 г. хлопотали о возвращении утраченного

ими имущества²¹, а Иван Владимиров, как отмечалось выше, выступал в роли одного из правительственных экспертов. В свете сделанных наблюдений еще более обоснованным представляется вывод, что утрата семьей Антоновых своих дворов в Кремле была следствием какой-то общей меры.

Косвенно такой вывод может быть подкреплён наблюдениями над еще одной ветвью рода Антоновых. Для реконструкции этой ветви рода много сделал В.Е. Сыроечковский²². Исследователь обратил внимание не летописное свидетельство о том, что некто Василий Бобр в 1514 г. поставил кирпичную церковь св. Варвары «братиею своею с Вепрем да Юшком Урвихвостовым»²³. К этой состоятельной семье их трех братьев В.Е. Сыроечковский добавил «гостя» Копыла, неоднократно упоминавшегося в посольских делах 1500—1502 гг. Во время одной из поездок он попал в плен к татарам со всем своим имуществом, которое было оценено огромной по тем временам суммой — 1.364 руб. В одном из документов Копыл определялся как «брат Бобров». 1515 г. датируется оставшееся неизвестным В.Е. Сыроечковскому летописное известие о посылке Василием III с милостыней в Царьград «Василия Копыла Спячего»²⁴. Следовательно, два брата имели одинаковые имена и различались лишь своими прозвищами.

Относя членов этой семьи к роду Антоновых, В.Е. Сыроечковский опирался на сообщение С.Б. Веселовского, что к роду Антоновых принадлежал один из братьев Федор Вепрь, известный своими крупными денежными ссудами волоцким князьям Ивану и Федору Борисовичам. В настоящее время может быть указан источник, позволивший С.Б. Веселовскому сделать такое заключение. Это — запись в синодике Успенского собора о том, что 28 декабря 1520 г. «преставися раб божий Феодор Вепрь Васильев сын Антонова»²⁵. Принадлежность братьев к этому роду может быть установлена и иным образом. В 1491/2 г. при заключении поземельной сделки между Дмитрием Владимировичем Ховриным и Федором Даниловичем Саларевым послухом был «Василей Бобр Васильев сын Антонова»²⁶. Это была, видимо, более дальняя ветвь рода, потомки не Семена, а, видимо, какого-то другого сына Антония: в поминальной записке в «Синодике» Успенского собора с перечнем предков Федора Вепря есть «Антоний», но нет «инока Серапиона»²⁷.

Для темы данного сообщения важно местоположение церкви святой Варвары — совместной постройки братьев. Указание во «Владимирском летописце», что церковь стояла «против Панс-

менные палаты. Тогда же поставил на своем дворе каменные палаты и один из наиболее видных бояр Ивана III Василий Образец⁴⁴.

Круг владельцев кремлевских усадеб позволяют значительно расширить упоминания в духовных грамотах московских великих князей и княгинь. Рассмотрение этих и некоторых летописных данных позволяют сделать следующие наблюдения.

Один боярский род мог владеть на территории Кремля рядом усадеб. Об этом говорит уже приведенный выше пример Ховриных. Он был далеко не единственным. Так, в разных местах Кремля находились дворы двоюродных братьев Григория Васильевича Морозова и Василия Борисовича Тучка⁴⁵. В духовной Ивана III упоминаются также отдельные дворы четырех сыновей князя Василия Косого Оболенского: Александра, Федора, Василия и Ивана Стриги⁴⁶. Кроме того, к старым представителям московских родов, издавна владевших дворами в Кремле⁴⁷, во второй половине XV в. стали присоединяться члены утративших самостоятельность княжеских родов. Так, в 1485 г. пленного казанского хана “посадиша в городе на княж Данилове дворе Александровича Ярославского” — сына последнего ярославского великого князя⁴⁸.

Наконец, дворы в Кремле могли иметь и лица, не принадлежавшие к верхам московской знати. Так, митрополичий дьяк Андрей Ярлык (позднее симоновский старец) в 1462 г. дал вкладом в Симонов монастырь “в городе двор свои у Воздвиженья честного креста противу Володимерова двора” — двора Владимира Григорьевича Ховрина⁴⁹. В духовной Софьи Витовтовны упоминается место на Подоле, где “собе поставлял хоромы Степан Обобуров”⁵⁰, а в духовной кн. И.Ю. Патрикеева говорится о передаче ему “места” у Боровицких ворот, которое обозначено, как “Борисовское... Слепцова”, т.е. принадлежавшее Борису Матвеевичу Слепцу Тютчеву⁵¹. Очевидно, что число боярских и дворянских усадеб в Кремле исчислялось десятками и они должны были занимать значительную часть площади города. Вопрос о судьбе всех этих усадеб, о том, какой круг лиц получил возможность оставаться в Кремле после его превращения в резиденцию правителя, заслуживает специального исследования.

Другой вопрос, представляющий особый интерес — это вопрос о судьбе “служилого” населения, связанного с княжеским хозяйством. Еще в XIV в. князья-совладельцы Москвы договаривались между собой о том, как “вынимать” из состава московского посада нужных для княжеского хозяйства “огородников” и “мастеров”. Логично полагать, что этих людей, обслуживавших

нужды двора, и селили рядом с двором. При всей совокупности сведений об этой группе населения все же сохранилось упоминание о "месте" в Кремле, где живут (1504 г.) "портные мастера" великого князя "Ноздря да Кузнецов, да Ушак"⁵². С превращением Кремля в резиденцию правителя должно было начаться выселение этого "служилого" населения из Кремля, что должно было вести к усложнению и неоднородности структуры подградья, где рядом с дворами посадских людей должны были образовываться слободы "служилых" людей, наделенные особым статусом и не входившие в состав посадской общины. Процесс образования таких слобод также, вероятно, должен стать предметом особого исследования.

Примечания

- ¹ ПСРЛ. Т. 6. Спб., 1853. С. 238; Т. 20. Ч. 1. Спб., 1910. С. 353.
- ² ДДГ. М.-Л., 1950. № 89. С. 358.
- ³ РГБ. Отд. рукописей. Ф. 303. № 287.
- ⁴ Тихонравов Н.С. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892. С. 90.
- ⁵ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 56.
- ⁶ Там же. № 127.
- ⁷ О Саларевых, как московском купеческом роде, переселенном в Новгород, см. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.-Л., 1935. С. 92, 112. Данил Саларев был, возможно, отцом Фомы Даниловича Саларева, новгородского купеческого старосты конца XV в.
- ⁸ Сборник Русского исторического общества (далее Сб. РИО). Т. 41. Спб., 1884. С. 304.
- ⁹ Сб. РИО. Т. 41. С. 304, 406.
- ¹⁰ Сб. РИО. Т. 41. С. 312.
- ¹¹ АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 3.
- ¹² Там же. № 39.
- ¹³ ДДГ, N 91. С. 370.
- ¹⁴ Сб. РИО. Т. 41. С. 304.
- ¹⁵ Там же. С. 312.
- ¹⁶ Там же. С. 407.
- ¹⁷ Мих. Петр. Подушкин участвовал в числе московских гостей в земском соборе 1566 г. - Акты относящиеся к истории земских соборов. М., 1920. С. 13.
- ¹⁸ Сб. РИО. Т. 41. С. 406.
- ¹⁹ ДДГ. № 91. С. 370.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 191. Т. 20. С. 282.
- ²¹ Сб. РИО. Т. 41. С. 304, 403, 407.
- ²² Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане... С. 89-90.
- ²³ ПСРЛ. Т. 6. С. 254; Т. 20. Ч. 1. С. 387.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 257; Т. 20. Ч. 1. С. 390.

- ²⁵ ГИМ. Успенский собор. № 64. Л. 213 об. Поскольку он дал по себе заупокойный вклад - 100 руб., ему было установлено "вседневное поминание" (Там же. Л. 12).
- ²⁶ АСЭИ. Т. 1. № 566.
- ²⁷ ГИМ. Успенск. собр. № 64. Л. 208. По-видимому, "характерные" прозвища всех братьев (Бобр, Вепрь, Копыл, Урвихвостов) были свойственны именно этой ветви рода.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 141.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 46; Т. 20. Ч. 1. С. 371.
- ³⁰ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV-XV веках. М., 1957. С. 42.
- ³¹ Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 143.
- ³² ДДГ. № 86. С. 347.
- ³³ Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане... С. 94.
- ³⁴ Там же. С. 120.
- ³⁵ АСЭИ. Т. 1. № 56.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 254; Т. 20. Ч. 1. С. 387.
- ³⁷ ДДГ. № 68. С. 222.
- ³⁸ Там же. № 74. С. 275.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. 30. С. 143.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 18. Спб., 1913. С. 149.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949. С. 304, 326.
- ⁴² ДДГ. № 91. С. 370.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 25. С. 271.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 237; Т. 20. Ч. 1. С. 358.
- ⁴⁵ ДДГ. № 86. С. 347; № 89. С. 358.
- ⁴⁶ Там же. С. 358.
- ⁴⁷ См.: "двор московской старой внутри города" в духовной А.М. Плещеева (ок. 1491 г.) - АСЭИ. Т. 1. № 562. С. 442.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. 23. Спб., 1910. С. 185.
- ⁴⁹ АСЭИ. Т. II. № 361.
- ⁵⁰ ДДГ. № 57. С. 177. Сын Степана Обобурова, Борис был дьяком кн. Бориса Вас. Волоцкого - ДДГ. № 77. С. 290.
- ⁵¹ ДДГ. № 86. С. 347.
- ⁵² ДДГ. № 89. С. 358; № 91. С. 370.